

Джеймс Кервуд

Золотая петля

Джеймс Оливер Кервуд

Золотая петля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130482

Аннотация

«Брэм Джонсон был необыкновенным человеком даже для своего Севера. Не говоря уже ни о чем другом, он представлял собою продукт окружающей обстановки и крайней необходимости и еще чего-то такого, что делало из него то человека с душой, а то зверя с сердцем дьявола. В этой истории самого Брэма, девушки и еще одного человека к Брэму нельзя относиться слишком строго. Он был способен и на чувствительность и на жестокость. Впрочем, сомнительно, имел ли он то, что принято вообще считать душой. Если же и имел когда-нибудь, то она затерялась где-то в дремучих лесах и в той дикой обстановке, которая его окружала...»

Содержание

Глава I. Брэм и его волки	5
Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью	11
Глава III. Брант принимает решение	17
Глава IV. Восьмая ночь	22
Глава V. Первая встреча	30
Глава VI. Один за другим	39
Глава VII. Врасплох	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джеймс Оливер Кервуд

Золотая петля

* * *

Глава I. Брэм и его волки

Брэм Джонсон был необыкновенным человеком даже для своего Севера. Не говоря уже ни о чем другом, он представлял собою продукт окружающей обстановки и крайней необходимости и еще чего-то такого, что делало из него то человека с душой, а то зверя с сердцем дьявола. В этой истории самого Брэма, девушки и еще одного человека к Брэму нельзя относиться слишком строго. Он был способен и на чувствительность и на жестокость. Впрочем, сомнительно, имел ли он то, что принято вообще считать душой. Если же и имел когда-нибудь, то она затерялась где-то в дремучих лесах и в той дикой обстановке, которая его окружала.

История Брэма началась еще задолго до его появления на свет, по крайней мере за три поколения. Она зародилась еще раньше, чем Джонсоны перешли за шестидесятый градус северной широты. А они все время настойчиво и упорно поднимались к северу. Всякий, кто садится в лодку в Нижней Атабаске и отправляется затем на север к Большому Невольничьему озеру и оттуда через Макензи к Полярному кругу, всегда заметит массу удивительных этнологических перемен. По всему его пути будут быстро сменяться одна за другой характерные расовые черты. Худощавый, с впалыми щеками, чиппева, с его быстрыми движениями и остроносой лодкой, сменяется неповоротливыми индейцами племе-

ни кри, с их широкими скулами, раскосыми глазами и челноками из березовой коры. И чем дальше на север, тем больше изменяется и кри; каждое новое племя едва заметно отличается от своих более южных соседей, пока наконец те же индейцы кри не становятся похожими на японцев, а их место занимают чиппева. Индейское племя чиппева начинает свою историю там, где ее заканчивает племя кри. Чем ближе к Полярному кругу, тем скорее лодка превращается в каяк, лица становятся скуластее и глаза начинают походить на китайские; и писатели, изучающие историю человеческого рода, получают право называть их уже эскимосами.

Раздвинувшись на север, Джонсоны так и не осели на каком-нибудь определенном месте. Вероятно, сто лет тому назад был один какой-нибудь настоящий Джонсон, который воплотился потом в Брэма. Их за это время было довольно много. Кровь первого Джонсона в самом начале смешалась с кровью племени чиппева, затем кровь следующего поколения – с кровью племени кри, так что получилась порода кри-чиппева-Джонсон, пока наконец Джонсоны не превратились в конце концов в эскимосов. Но удивительнее всего то, что уцелела сама фамилия Джонсон. Входишь в юрту или хижину, надеясь встретить там белого, – и вдруг натыкаешься на инородца.

После целых ста лет такого смешения крови Брэм оказался атавистом. Он представлял собою совсем белого человека по цвету кожи лица, волос и форме глаз. Во всем остальном

он походил на свою полукровку-эскимоску мать, за исключением ее роста. В нем было добрых шесть футов, и силищи он был невероятной. У него было широкое, скуластое лицо, тонкие губы и приплюснутый нос. Но цвет лица был совершенно белый. Это бросалось в нем прямо в глаза. Даже волосы у него были светло-рыжеватые, хотя жесткие и лохматые, как грива у льва, и глаза голубого цвета, которые, впрочем, в моменты гнева становились в темноте зелеными, как у кошки.

Никто не желал быть с Брэмом в дружбе. Он представлял собою какую-то тайну. Он никогда не оставался в посту дольше, чем это было необходимо для того, чтобы обменять меха на съестные припасы, и проходили целые месяцы и даже годы, прежде чем он снова появлялся в том же самом посту. Он находился в постоянном движении. Иногда пограничная стража нападала на его след и во многих своих донесениях о деятельности своих передовых патрулей сообщала в свою главную квартиру только следующими лаконическими фразами: «Мы видели, как Брэм ехал к северу на своих волках» или «Брэм и его волки промчались мимо нас» – и всегда нераздельно: Брэм и его волки. Целых два года полиция не имела о нем ровно никаких сведений. Это было в то время, когда Брэм затерялся где-то в Северной стране к востоку от Большой Медвежьей реки. После этого полиция принялась за еще большую слежку за ним, так как являлось предположение, что это отсутствие происходило не даром. И

действительно, кое-что произошло. Брэм убил человека. Он сделал это так просто и так легко, точно переломил пополам спичку, и успел удрать раньше, чем узнали, что его жертва уже умерла. За этой первой трагедией последовала вторая, когда, две недели спустя, капрал Ли вместе с простым солдатом из казарм форта Черчилл задержали его на границе Баррена. Брэм даже не захотел в них и стрелять. Они еще издали слышали его громкий, страшный хохот, а затем он спустил на них своих волков. Каким-то чудом капрал Ли дополз потом до становища какого-то метиса, у которого потом и скончался, и этот-то самый метис и донес затем о происшествии в форте Черчилл.

После этого случая Брэм точно канул в воду. На целых четыре или пять лет. Он и его волки. Только подумать об этом! Один. За все это время о нем ни слуху ни духу. Ни одного раза он даже не явился ни в один из постов для покупки съестных припасов. Это – отщепенец. Человек-зверь. Укротитель волков. К концу третьего года в его запряжке не оказалось уже ни одной капли собачьей крови. Это были одни сплошные, чистокровные волки. Он воспитывал каждого из своих упряжных волков еще со щенков. Все они были громадного роста, на подбор, так как недоразвившихся он убивал. Всего их бегало у него в запряжке двадцать штук. Возможно, что недоразвившихся вполне он прямо отпускал бы на волю вместо того, чтобы убивать, но они сами не хотели от него уходить. В нем они инстинктивно признавали сверх-

человека и считали себя его рабами. И Брэм, дикий и полуживотное сам, со своей стороны, любил их. Они заменяли ему братьев, сестер, жену и все прочее. Он с ними спал и ел и голодал, когда не хватало пищи. Они были его друзьями и защитой. Когда Брэму хотелось мяса и его можно было достать в том месте, где он находился, он просто посылал своих волков на охоту за лосем или оленем, и если они загоняли этих животных миль за десять впереди самого Брэма, то на обглоданных ими костях он все-таки по прибытии находил еще достаточное количество мяса и для себя.

Целых четыре года такой жизни! Полиция даже не хотела этому и верить. Пограничники только саркастически посмеивались, когда до них доходили о нем отдаленные слухи: будто где-то, в совершенно противоположных местах, кто-то видел самого Брэма, слышал его голос, который покрывал собою в тихие, зимние ночи вой его своры, или будто его то там, то здесь видели метисы и индейцы. Относиться к этим слухам так критически заставляло их главным образом суеверие французских метисов, которые считали его чертом, а над чертом на всем Севере никто не позволяет себе смеяться. Мало ли несчастных, которые продали свои души дьяволу только за то, чтобы иметь возможность летать по воздуху, — и находились люди, которые могли бы поклясться на Евангелии, что собственными своими глазами видели, как Брэм со своими волками проезжал по небу, преследуя на нем каких-то громадных, бесформенных зверей.

Итак, полиция была уверена, что Брэм умер; а между тем Брэм, совершенно скрывшись из виду, с каждым днем все более и более превращался в волка и становился волчьим братом. Но белая кровь все-таки оказывалась в нем непобедимой, и в душе у Брэма часто появлялась тоска. Безумное желание слышать человеческий голос, поговорить с близким ему человеком, хотя он никогда не любил ни одного мужчину и ни одну женщину, по временам было для него тяжелее, чем смерть. Это-то и приводит нас к самому тяжкому осложнению в жизни Брэма – к столкновению его с девушкой и еще с одним мужчиной.

Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью

Этим другим мужчиной был Филипп Брант.

Он сидел как-то вечером в избушке у Пьера Брео. Сам Пьер сидел как раз против него по ту сторону стола, а сбоку их обоих горела раскалившаяся докрасна железная печь.

Стояла ужасная погода. Охотник на лисиц Пьер выстроил свою избушку как раз на самой стрелке узкой полосы соснового леса, глядевшей как нарочно на самый Баррен, и в этот вечер оттуда дул на нее такой резкий, злобный ветер, разгуливавший по пустым пространствам, что это заставляло Филиппа дрожать. Совсем близко на востоке находился Гудзонов залив, так близко, что когда за несколько минут перед этим он высунулся из двери, то до него донесся гром никогда не прекращающегося морского прибоя, катящего свои воды прямо с Ледовитого океана, и резкий, точно звук от громадного ножа, треск ледяных гор под напором такого же ледяного, северного ветра. К западу от хижины Пьера тянулся лишенный всякой жизни Баррен, пустой и безграничный, без малейшего камня или куста, с нависшим над ним небом, которое не раз заставляло Филиппа вспомнить о картине Доре «Ад», — тяжелым, хмурым, синевато-красным, как гранат, всегда готовым разрешиться ужасающей снежной бурей. Та-

ково оно было днем. А уж ночью, когда начинали брехать белые лисицы и завывал дикий ветер, – нечего было и говорить.

– Так как я человек верующий, – повторил через стол Пьер, – и все-таки еще надеюсь на спасение души, то клянусь вам, что я видел его с глазу на глаз.

Брант, служивший в пограничной страже и находившийся всегда при патруле в форте Черчилл, перестал недоверчиво улыбаться. Он всегда считал Пьера Брео человеком храбрым, иначе бы тот никогда не забрался в своей охоте на белых лисиц в самую глушь Баррена один, и несуетерным, как большинство из его соотечественников, иначе Пьер давно бы уже убежал от горьких рыданий и бурных воплей вечных, ни на минуту не прекращающихся ночных ветров.

– Клянусь вам! – повторил Пьер.

Что-то почти задорное вдруг появилось на лице у Филиппа. Он перегнулся через стол, крепко ухватившись пальцами за его края. Ему было уже тридцать пять; он был так же худощав, как и Пьер, только у Пьера были глаза черные, а у него – цвета стали. Было время, – давно уже, – когда и он жил в большом западном городе и носил черный сюртук так, как ни один человек в мире; а теперь рукава на его оленьем полушубке были истерты и разорваны, руки огрубели, и все лицо было изборождено следами от морозов и ветров.

– Нет, это невозможно, – ответил он. – Брэма Джонсона нет в живых!

– Он жив, мсье... Уверяю вас.

Какая-то страшная дрожь слышалась в голосе у Пьера.

– Если бы я только слышал, а не видел, – продолжал он, сверкнув глазами, – то вы еще могли бы мне не верить, мсье. Да, вначале я только услышал вой его запряжки и потому подошел к двери, отворил ее и долго стоял и прислушивался, вглядываясь в темную ночь. Уф! Волки пробежали как раз мимо меня. Я слышал, как от них убегал олень. А затем последовал громкий крик, покрывший собою вопли волков, точно это кричали сразу десять человек. Тогда я понял, что это Брэм Джонсон добывает для себя мясо. Да, он еще жив! Но это еще не все. Нет, нет! Это еще далеко не все.

Пальцы его судорожно постукивали по столу. В третий или четвертый раз за последние три четверти часа Филипп Брант замечал, как он откидывался назад в каком-то странном возбуждении. Недоверие прошло. Филипп уже начинал верить Пьеру.

– Значит, вы действительно видели его? – спросил он.

– Да. Я не хотел бы поступать так опять, мсье, как поступил тогда, за всех лисиц, начиная от Атабаски и кончая Гудзоновым заливом. Я до сих пор не могу дать себе отчета, почему именно я так поступил. Что-то повлекло меня прямо в ночную темноту. Я последовал за ним. Скоро я нашел следы от волков и от лыж человека. Да. Я отправился далее по этим следам. Я дошел таким образом до того самого места, где звери уже расправлялись со своей добычей. Ветер

дул мне прямо в лицо, и потому я отлично мог слышать, как они щелкали зубами и раздирали оленя на части. Да, да! Я слышал, кроме того, еще и ужасный смех человека! Если бы ветер вдруг переменился и это дьявольское отродье вдруг почуяло бы мой запах, то мне несдобровать бы!

Он вздрогнул, повел плечами и хрустнул пальцами.

– Но я оставался, мсье, там, где и стоял, чуть не по грудь увязнув в снегу. Через несколько времени они побежали далее. За темнотою я не мог рассмотреть их более подробно. Тогда я подошел к тому месту, где они расправились с оленем, и увидел, что Брэм захватил с собой два оленьих окорока. Это был старый, довольно крупный карибу. Окольными путями, через голую равнину, я добрался наконец до леса, в котором Брэм расположился уже у костра. Теперь уж я мог видеть его отлично и, клянусь вам всеми святыми, что это действительно был Брэм! Давно уже, еще перед тем, как он убил человека, он два раза посетил меня в этой самой моей избушке, – и с тех пор не изменился нисколько. Вокруг него, греясь у костра, лежали его волки. Только тогда я наконец и пришел в себя. Я видел, как он их ласкал, видел, как они оскаливали зубы. Да, я слышал собственными ушами, как он разговаривал с ними и смеялся себе в бороду. И я бросился поскорее обратно, к себе домой, я побежал со всех ног, боясь, как бы меня не догнали волки. И тем не менее это... это еще не все!

Опять он уставился на Бранта и стал сжимать и разжимать

свои пальцы.

– Теперь вы верите мне, мсье? – обратился он к нему.

Филипп утвердительно кивнул головой.

– Но все это как-то фантастично... – ответил он. – Все-таки нельзя же предположить, чтобы это вы видели, Пьер, во сне!

Брео вздохнул с облегчением и поднялся на ноги.

– И вы поверите мне, если я расскажу вам остальное? – спросил он.

– Да, – ответил Брант.

Пьер подошел к сундуку и достал оттуда мешок из оленьей кожи, в котором у него хранились кремни, кресала и другие принадлежности для добывания огня во время пути.

– На следующий день я вернулся туда обратно, мсье, – сказал он, снова садясь за стол против Филиппа. – Брэм и его волки уже ушли. Оказалось, что он провел ночь в шалаше из еловых ветвей. Весь снег кругом был утоптан его мокасынами и лапами волков. Я обшарил все это место, надеясь хоть что-нибудь после него найти, и, к счастью, кое-что нашел. Это силок, петля для ловли кроликов.

Не слова, а выражение глаз Пьера Брео, когда он стал шарить своими длинными пальцами в мешке из оленьей кожи, заставило Филиппа почувствовать какой-то особый трепет и предположить что-то особенно интересное. И, не произнося ни слова, он стал терпеливо ожидать, когда Пьер покончит наконец со своими поисками.

— Простая петля для ловли кроликов, мсье... — продолжал Пьер. — Она вывалилась у него из мешка прямо в снег...

И он протянул ее Филиппу. Тот нетерпеливо схватил ее и стал разглядывать. Свисавшая с потолка лампа освещала весь стол и их головы и плечи. Рассмотрев петлю, Филипп вдруг вскрикнул от удивления. Пьер ожидал этого. Сначала Филипп не доверял ему, а теперь наконец-то сам убедился. Некоторое время казалось, что он перестал даже дышать. Лампа освещала то, что он держал в руке, а он, широко раскрыв глаза, смотрел на это нечто и от изумления не двигался. Это был силок. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Он был сплетен из волос длиною чуть не в целый аршин, с одного конца имел петлю и с другого — двойной узел.

Но удивительнее всего было то, что этот силок был сплетен из золотых волос женщины. Он представлял собою золотую петлю!

Глава III. Брант принимает решение

Процесс человеческого мышления иногда не останавливается на своем пути, чтобы обсудить свои дальнейшие действия, а сразу делает скачок к немедленному и подчас неожиданному решению, которое, благодаря именно этой внезапности, является точно снег на голову. Вскрикнув один раз от удивления, Филипп больше не издал ни единого звука. Он не сказал ни одного слова Пьеру. Среди наступившей вдруг тишины слышно было, как его часы тикали, точно барабан. Затем, не спеша, он выпустил из пальцев шнурочек из шелковых волос, поднял глаза и встретился со взглядом Пьера. Оба знали, о чем каждый из них думал. Если бы волосы были черные! Если бы они были рыжие! Если бы даже в них была грубая краснота эскимосской шевелюры с верхнего течения реки Макензи!

Но нет, волосы в петле были золотые, — так и отливали светлым золотом!

Все еще не говоря ни слова, Филипп вытащил из кармана нож, отрезал им петлю от доски, к которой она была прикреплена, и стал тщательно расплетать ее, пока наконец перед ним на столе не оказались длинные пряди волнистых волос. Если он до сих пор сомневался, то теперь не было ме-

ста ни малейшему сомнению. Он не мог припомнить, где и когда в своей жизни видел женщину, у которой были бы волосы такого настоящего золотого цвета. Это было вовсе не червонное золото. В волосах не было ни малейшего оттенка красной меди, когда они лежали на столе и отражали от себя ламповый свет. Они были точно лен или точно расчесанный шелк и настолько тонки, что, глядя на них, он удивлялся тому терпению, которое потребовалось для того, чтобы сплести из них петлю. Опять он посмотрел на Пьера. Тот же самый вопрос занимал и его.

— Отсюда вытекает, — прервал наконец молчание Пьер, — что у Брэма есть женщина.

— Безусловно, — ответил Филипп.

Это последнее слово, то ударение на нем, которое сделал Филипп, так многозначительно посмотрев на Пьера, повлекли за собою новый, более страшный вопрос, который уже некоторое время занимал собою обоих. Пьер пожал плечами. Он не мог на него ответить. Пожимая плечами, он вдруг вздрогнул. Когда ветер неожиданно потряс дверь, то ему казалось, будто в нее постучалось человеческое существо, и он тотчас же повернулся к ней лицом.

— Черт возьми! — воскликнул он, придя в себя и обнажая в улыбке перед Филиппом свои белые зубы. — Какой я стал нервный! И это после того, как я увидел тогда при свете костра Брэма и его волков и нашел вот это!

Он указал на блестящие волосы.

– Видали вы когда-нибудь такие волосы, Пьер?

– Нет, мсье. Ни разу в жизни.

– Но ведь вы же встречались с белыми женщинами в форте Черчилл, в фактории Иорк, в Лаклабише, в Кумберлэнд-Хаузе и в форте Альбани?

– Да, конечно, и даже во многих других местах, мсье. Но нигде никогда не сталкивался с женщиной, у которой были бы такие волосы.

– А насколько нам известно, Брэм никогда не отлучался со своего Севера южнее Форт-Чипевайана, – продолжал Филипп. – А это-то и заставляет нас призадуматься. Не правда ли, Пьер? Поневоле начнешь задавать себе вопросы. А как на них ответить? Как ваше мнение?

Пьер был полуфранцуз-полуиндеец. Зрачки его расширились, когда он встретил на себе пристальный взгляд Филиппа.

– Надо подумать, – ответил он с тревогой. – Не забывайте, что это каторжник и... и, как некоторые убеждены, – оборотень. Я не суеверен, мсье, – нет, нет! – я вовсе не суеверен. Но о Брэме и об его волках ходят такие странные слухи, будто он продал дьяволу свою душу, будто может летать по воздуху и сам по собственному желанию оборачиваться в волка. Поэтому – что же тут удивительного, если он вдруг стал ловить кроликов женскими волосами?

Пьер сделал такое движение, точно хотел проглотить подступивший ему к горлу ком. Филипп заметил, что он делал

над собой усилие, чтобы победить в себе засевающие в нем сизмальства предрассудки.

– Но ведь все эти истории – чистая выдумка, мсье, – продолжал он уже совсем другим голосом. – Вот почему я и показал вам эту петлю. Брэм Джонсон вовсе не умер. Он еще жив. И при нем находится женщина, но кто она?

– Кто она?..

Одна и та же мысль засела в голове у обоих. И ни один из них не мог дать на нее ответа. Филипп снова принялся за изучение волос, перебирал их между пальцами и раскладывал на поверхности гладкого кожаного бумажника, который он вынул из бокового кармана. Затем, вовсе не желая курить, точно случайно, набил трубку и зажег ее. Потом он подошел к двери, распахнул ее и несколько минут постоял на пороге, вслушиваясь в дикий вой ветра, разгуливавшего по Баррену. Пьер все еще сидел за столом и внимательно наблюдал за каждым его движением. Наконец Филипп хлопнул дверью и подошел к метису.

Он пришел к какому-то выводу.

– До форта Черчилл отсюда триста миль, – сказал он наконец. – Как раз на полпути, у южного конца озера Джесич, стоит со своим патрулем Мак-Вей. Если я отправлюсь на поиски Брэма, то прежде всего должен дать знать об этом Мак-Вею, с тем, чтобы он, со своей стороны, сообщил об этом в форт Черчилл. Можете ли вы, Пьер, позабыть на время обо всех ваших капканах и ловушках и взять это дело на себя?

Пьер подумал. Затем ответил:

– Хорошо, я отправлюсь к Мак-Вею. Я ему сообщу об этом.

До поздней ночи Филипп писал свое донесение. Он был выслан, чтобы перенять бежавшую шайку грабителей-индейцев. Теперь на его пути возникло новое обстоятельство, которым необходимо было заняться в первую очередь, и он сообщал об этом своему начальнику в форт Черчилл. Он передал в своем донесении все, что рассказал ему Пьер Брео, удостоверял, что верит этому вполне и что Брэм Джонсон, на котором тяготело целых три преступления, таким образом оказывается еще в живых. Он просил выслать для отслеживания шайки грабителей-индейцев другое лицо и, насколько возможно, подробнее изложил те методы, которыми будет руководствоваться в своем следствии по делу Брэма.

Покончив с этим рапортом, он запечатал его, но умолчал только об одном.

Он ни единым словом не обмолвился в нем о петле для ловли кроликов, сделанной из женских волос.

Глава IV. Восьмая ночь

На следующее утро буря все еще жестоко махала из стороны в сторону своим хвостом со стороны Баррена, но Филипп все-таки отправился в путь, взяв с собой в проводники Пьера Брео до того места, где он в последний раз видел у костра Брэма Джонсона и его волков. С того тревожного вечера прошло уже три дня, и когда они прибыли к тому месту, где Брэм провел ночь в шалаше, сделанном из еловых ветвей, то шалаш этот оказался уже до половины занесенным снегом, который без удержу разгуливал целыми тучами по открытым пространствам.

От этого места Пьер в точности объяснил то направление, которое взял Брэм на утро после своей охоты, и Филипп заметил по компасу этот уже невидимый из-под снега путь и почти тотчас же пришел к определенному выводу.

– Брэм должен был держаться вот этого самого кустарникового леса вдоль Баррена, – обратился он к Пьеру. – И я тоже буду держаться его опушки. Вы можете сообщить об этом Мак-Вею в дополнение к тому, что я уже ему написал. Но о петле, Пьер Брео, ему ни слова! Понимаете? Если Брэм действительно знает с нечистой силой и умеет хватать золотые женские волосы прямо из воздуха, то...

– Я ничего ему не скажу, мсье... – ответил, поведя плечами, Пьер.

Они пожали друг другу руки и молча расстались. Филипп отправился на запад и, пройдя некоторое расстояние, обернулся назад, чтобы в последний раз посмотреть на Пьера, но его уже не было. Через час после этого он весь был подавлен сознанием, что добровольно принял за отчаянное предприятие. По соображениям, которые пришли к нему за ночь, он оставил своих собак вместе с санями у Пьера и отправился в далекий путь пешком. Его ранец, в котором могло поместиться ноши не более одного пуда, был у него за плечами, но это было все. В нем находились его шелковая палатка, которая могла противостоять любой непогоде, и кое-какие необходимые в дороге предметы для варки пищи. Всю остальную кладь, не считая ружья, револьверов и зарядов, составляли высушенные или превращенные в порошок съестные припасы, сильно спрессованные, так что тридцати фунтов таких припасов было вполне достаточно на целый месяц, если он будет добывать себе мясную пищу в пути. Главную часть всей этой его поклажи составляли пятнадцать фунтов муки; четыре десятка яиц заключались в одном фунте яичного порошка; двадцать восемь фунтов картошки были превращены всего только в четыре фунта сушеного продукта; четыре фунта луку он нес в виде концентрированной жидкости в пузырьке весом всего только в четверть фунта. Таковы были все его запасы.

Он несколько угрюмо засмеялся, когда подумал обо всем том, что находилось у него за плечами. Почему-то ему при-

шли на ум его прежние дни, и он стал задавать себе вопрос: что сказали бы его старые друзья, если бы каким-нибудь чудом вдруг очутились вместе с ним здесь и были бы принуждены питаться так, как он? В особенности его интересовало, как бы отнеслась к этому Миньона Девенпорт. Он воображал себе весь ужас, который появился бы на ее аристократическом лице. От этого дувшего со стороны Баррена ледяного ветра остановилась бы кровь у нее в жилах, она бы скорчилась и умерла в одну минуту. Он считал себя вполне компетентным относительно нее, так как в свое время хотел на ней жениться. Странно, почему именно сейчас она пришла ему на ум? Впрочем, он думал о ней довольно часто. А когда она приходила ему на ум, как вот теперь, когда он брел по следам за Брэмом Джонсоном, он всегда вспоминал о том, что ему пришлось когда-то пережить. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что большинство его старых друзей давно уже позабыло о нем. Пять лет – не маленький промежуток времени, и дружба в том обществе, к которому он принадлежал, никогда не отличалась продолжительностью. Точно так же и любовь. В этом убедила его Миньона. Он горько и презрительно улыбнулся, даже несмотря на ветер, бивший снегом ему прямо в глаза. Судьба сыграла с ним злую шутку. Вообще она любит поиздеваться. Сперва он подхватил воспаление легких, затем у него с легкими, случилось что-то «галопирующее», как выражались тогда врачи, и он стал кашлять кровью. С каждым днем в больших, детски-голубых

глазах Миньоны стало все больше и больше появляться выражение страха, а затем она с такою же детской откровенностью заявила ему, что очень неудобно иметь в числе своих знакомых большого чахоткой.

При мысли об этом Филипп расхохотался. Смех пришел к нему так неожиданно и был таким громким, что Брэм мог бы услышать его за двести шагов, даже несмотря на завывание ветра. Чахотка! Филипп согнул и разогнул в локте руку, так что захрустели даже кости. Он вдохнул в себя полной грудью воздух и выдохнул его обратно с таким шумом, с каким пар вырывается из предохранительного клапана. Это сделал с ним Север. Его вылечил именно Север с его удивительными лесами, безграничным небом, с его реками и озерами и с глубокими снегами, тот самый Север, который из, ледащего человека делает богатыря. Он полюбил его. И потому, что он полюбил его, а с ним вместе и его приключения, он и поступил два года тому назад в пограничную стражу. Он сделал это просто так, для развлечения; в свое время он бросит эту службу, возвратится обратно к своим старым друзьям и к своему клубу и своим богатырским здоровьем поразит голубоглазую Миньону чуть не до смерти.

Несмотря на то, что он был занят теперь выслеживанием таинственного человека, все эти мысли чередой проносились у него в голове. В течение целых двух лет, пока он находился на службе, ему часто приходилось слышать о странной жизни Брэма. Он никому не рассказывал, как глубоко был

заинтересован этой личностью. Правда, он иногда вступал с сослуживцами в разговор о несомненном уме Брэма, но все его усилия в этом отношении оставались бесплодными. Что же касается индейцев и метисов во всем этом краю, в котором он жил, то все они считали Брэма самым настоящим чудищем, обладавшим дьявольскими способностями. Для всех пограничников он был лакомым куском, так как представлял собою в высшей степени опасную личность для всего Севера, и тот счастливец, которому удалось бы схватить его мертвым или живым, тотчас же был бы произведен в сержанты. У многих из них сразу потухли амбиция и надежда, как только разнеслась весть о том, что Брэм уже умер.

Филипп вовсе даже и не думал о чине сержанта, когда настойчиво продвигался вперед по Баррену. Служба была для него между прочим, так как у него были совсем другие планы насчет будущего. С того самого момента, как его пальцы коснулись золотых волос, на него сошло вдруг какое-то странное вдохновение. Сегодня оно захватывало даже еще больше, чем вчера. Но он не выказал ни его, ни своих мыслей перед Пьером, так как не хотел выставлять себя смешным. Он обладал большим воображением и вместе с тем симпатией к животным и к людям. В нем совершенно отсутствовали холодная рассудительность и всякие ухищрения охотника на людей, направленные к тому, чтобы как можно скорее овладеть жизнью другого. Он знал, что поймать Брэма и представить его в распоряжение правосудия составляло его долг,

и был уверен также и в том, что выполнит этот долг даже и в том случае, если его предположения о золотой петле окажутся ни на чем не основанными.

А правильно ли он базировал свои предположения? Его обуревали величайшие сомнения, и он испытывал какую-то странную неловкость. Он старался доказать себе, что могло быть очень много способов, благодаря которым золотые волосы оказались в распоряжении Брэма для устройства силков; они могли быть принесены к нему как талисман, как заклятие против болезней и дьявольских чар каким-нибудь слабым человеком, шаткий ум которого был весь поглощен предрассудками. В последнем случае было бы вполне логично предполагать, что в качестве талисмана Брэм владеет этими золотыми волосами уже давным-давно.

Но вопреки самому себе, Филипп не допускал этого. В полдень, когда он развел огонь, чтобы вскипятить себе чаю и испечь из муки лепешку, он снова вытащил из бумажника золотые нити и стал рассматривать их еще тщательнее, чем вчера. Казалось, что они были срезаны с головы у женщины только вчера, – так они блестели на бледном свете северного полуденного солнца. Его удивили их тонкость и длина. Все они были одинаковы и равной длины.

Он пообедал и пошел далее. Три дня метели окончательно скрыли малейшие следы Брэма и его волков. Тем не менее он был уверен, что Брэм не захочет удаляться от лесных зарослей и углубляться в Баррен. Он уже раньше был осведомлен

о том, что этот Баррен — великий Баррен, даже не нанесенный еще на географическую карту, представляет собою одно безбрежное снежное море, в котором до сих пор скрывался от закона Брэм. Простираясь на целых пятьсот миль на восток и на запад, он доходил, начиная с шестидесятого градуса, почти вплоть до самого Ледовитого океана. Его необитаемые и безлесные пустыни могли доставить Брэму такое же безопасное убежище, как и необъятный Великий океан для прежних пиратов. Этот Баррен был даже хуже, чем Ледовитый океан, потому что на берегах океана можно было, по крайней мере, встретить хоть эскимосов.

Филипп ясно представлял себе всю трудность своих поисков. Весь его успех зависел от хорошей погоды и от того, насколько ему удастся напасть на старый след Брэма и его волков. Старый след мог бы привести его к новому. Но на это потребовались бы целые недели.

В этот вечер прекратились последние вспышки метели, которая неистовствовала все последние дни. Целую неделю затем продолжалась ясная погода. Снег не падал вовсе, но зато было невыносимо холодно. За всю эту неделю Филипп прошел сто двадцать миль к западу.

Вечером на восьмой день, когда он сидел у огня в густых зарослях карликовой сосны, вдруг случилось то, что, пропитанный насквозь фатализмом и предрассудками, предсказывал ему Пьер Брео. И надо же было случиться так, что именно в этот самый вечер и в тот самый час, когда это произо-

шло, Филипп с необыкновенной тщательностью и с величайшим трудом снова сплетал из этих шелковых волос золотую петлю.

Глава V. Первая встреча

Ночь была так ясна, что отбрасываемые сосенками и елями тени казались на снегу живыми. На безграничном, как открытое море, небе сверкали биллионы звезд. Большая Медведица мигала лучами своих планет. В лунном свете не было нужды. На расстоянии чуть не ста саженей Филипп мог бы видеть лося или оленя, если бы им вздумалось проходить. Он сидел у самого огня, тепло которого отражалось в него от большого почерневшего камня, и заканчивал свое плетение, на что потребовалось ему не менее часа. Уже давно до него доносился любопытный монотонный звук от северного сияния, который, спускаясь с неба на землю, часто походит на мурлыканье кошки или на гуденье пчелы. Занятый своим делом, он и не услышал приближавшегося к нему другого звука. До тех самых пор, пока он не кончил и не положил золотую петлю уже в готовом виде к себе в бумажник, каждый из этих двух звуков не обособился и не отделился еще один от другого.

Он потянулся. Потом прислушался. Затем вскочил на ноги и пробежал через кустарники целых пятьдесят футов к их опушке, где начиналась белая равнина.

Шум доносился издалека, с очень большого расстояния. Чуть не за версту. А может быть, и за две. Это был вой волков!

В этом вое для него не было ничего ни нового, ни необыкновенного. За эти два года он слышал его уже не раз. Но никогда еще он не смущал его так, как именно теперь, и он почувствовал, как похолодела в нем кровь, когда этот звук направился прямо на него. В один момент он вспомнил обо всем, что рассказывал ему Пьер Брео. Так охотились Брэм и его волки. А это действительно мчался Брэм. Филипп был уверен в этом.

Он побежал обратно к своей палатке и как можно скорее обогрел на потухавшем уже огне казенную часть своего ружья. Затем он набросал на костер снегу. Возвратившись к опушке карликового леса, он выбрал себе наиболее высокое дерево, чтобы можно было, в случае надобности, взобраться на него хотя бы сажени на полторы от земли. Все эти приготовления были выполнены им с быстротою ветра. А стая волков, гнал ли ее перед собою человек или вел за собою волк-вожак, неслась уже прямо на него и находилась от него всего только в четверти мили, когда он стал вскарабкиваться на дерево. Он тяжело дышал, и сердце у него билось, как барабан, потому что, когда он влезал на дерево, ствол которого имел у основания всего только два вершка в диаметре, ему припомнилось, как однажды, желая уберечь от волков убитую им тушу лося, он вздернул ее высоко на кедр толщиной в ногу, и все-таки волки подгрызли дерево так, что оно свалилось, точно было сделано из папье-маше. С этого-то ненадежного своего убежища он и стал всматриваться в прости-

равшийся перед ним, залитый светом звезд Баррен.

Затем вдруг послышался третий звук. Какое-то копытное животное сломя голову несло по снежной пустыне, взрывая снег копытами. Когда оно поравнялось с Филиппом, то он увидел, что это спасал свою жизнь карибу. Он с облегчением вздохнул, когда животное побежало параллельно опушке леса, в котором стояла его палатка, намереваясь вбежать в самый лес милей ниже ее. Он заметил, что преследовавшие его волки вдруг замолчали. Это могло означать только одно. Они так уже близко находились от своей добычи, что им незачем уже было выть. Едва только пробежал мимо карибу, как Филипп увидел передового из них – серого, быстро увлекавшего за собой других, которые мчались за ним веером, стараясь замкнуть края образовавшейся подковы с обеих сторон, чтобы захватить в нее карибу. Волки промчались от него так близко, что он мог слышать их дыхание, топот ног и взвизгивания, издаваемые ими сквозь сжатые челюсти. Всех их было по крайней мере штук двадцать, а может быть, и тридцать, и они бежали с таким видом, точно их гнали перед собой силы ада.

Со своего ненадежного места Филипп спустился опять на снег. Он увидел, что карибу уже добежал до леса. Тогда, спрятавшись в тени ели, он стал ожидать, что будет далее. Как вдруг он услышал скрип снега под лыжами. Кровь бросилась ему в лицо, и сердце у него забилося, как и тогда, когда он только еще ожидал появления волков; так он был уве-

рен, что должен был увидеть перед собою человека, как только он выйдет из тени на звездный свет. В короткий промежуток времени между тем, как убежали волки и не выявился еще этот человек, он уже решил, что ему нужно было делать. Судьба вкладывала ему в руку козырной туз. Он быстро пришел к заключению, что легко сможет сладить с Брэмом наедине, тогда как окруженный своими волками тот был совершенно неуловим, и стоило одного только его слова, чтобы они бросились всей стаей на его врага и растерзали его в клочки. Теперь же, когда волки убежали от Брэма далеко, план Филиппа состоял в том, чтобы перерезать Брэму путь и захватить его живьем.

Он поднялся с коленей на ноги, все еще не выходя из тени ели, и сбросил с себя ружье. Сняв с себя перчатку, он крепко стиснул в руке револьвер. Широко раскрыв глаза, он стал выслеживать Брэма на том же месте, где незадолго перед этим промчались и волки. А затем вдруг произошло разочарование. Оно было ужасно. Обманчивые звуки Баррена сыграли с Филиппом неожиданную шутку – и в то время, как он во все глаза вглядывался в далеко расстилавшуюся перед ним равнину, сам Брэм своей собственной персоной вдруг появился перед ним у опушки всего только в каких-нибудь двадцати шагах.

Филипп едва сдержал крик, готовый уже сорваться с его губ, как в этот самый момент Брэм вдруг сразу остановился и, весь на свету от звезд, стал громко кричать своим вол-

кам. Покричал – и стал прислушиваться. Это был не человек, а гигант. «Чудовище», – подумал Филипп. Возможно, что неверный свет ночи увеличивал в его глазах его размеры. На плечи у него спускалась целая копна нечесаных волос, точно морская трава. Борода у него была короткая и густая, и в один момент Филипп увидел его блестящие глаза, как у кошки. Он увидел также и его лицо. Это было страшное лицо с пронзительным взглядом – лицо существа, которое охотилось само и сознавало, что охотились и на него. Это был получеловек-полузверь. Филипп знал, что никогда не забудет этого лица, его дикого выражения и того страшного одиночества и отчужденности от всего мира, которые светились в его устремленных вдаль глазах. Никогда он не забудет также и того тяжелого дыхания, которое так шумно вырывалось из груди этого человека.

Филипп сознавал, что нужно было действовать как можно скорее. Он выступил вперед из тени, и его пальцы крепко сжали рукоятку револьвера.

Брэм мог бы его увидеть, но в эту самую минуту он запрокинул голову назад и закричал таким криком, какого Филипп не слышал раньше никогда ни от животного, ни от человека. Он начался где-то глубоко в его груди, загремел, как барабан, и закончился тонким, визжащим звуком, который можно было бы услышать за целые мили кругом, – так хозяин звал свою свору назад, так человек-зверь кликал к себе обратно своих собратьев. Возможно, что еще раньше,

чем Брэм так закричал, какой-то сверхинстинкт подсказал ему, что его подстерегает опасность, которой он не замечает. Крик сразу оборвался. Он закончился каким-то странным шипеньем, точно шум пара, вырывавшегося из котла. И прежде чем Филипп мог собраться с силами и прийти в себя, Брэм уже побежал далее, и пограничник мог услышать его странный, почти сумасшедший хохот, который он не забудет уже никогда в жизни и который всегда будет вызывать в нем дрожь.

Не двигаясь с места, Филипп закричал ему вслед:

– Брэм! Брэм Джонсон! Именем закона и короля! Остановитесь!

Это была еще старинная формула с его величеством и законом, которая ровно ничего не значила на Дальнем Севере. Брэм слышал ее. Но не остановился. Он побежал еще скорее, и Филипп снова закричал ему вслед:

– Брэм!.. Брэм Джонсон!

Смех повторился опять. В нем было столько презрения и столько высокомерия, точно он смеялся именно над Филиппом.

Филипп приподнял кверху дуло револьвера. Он вовсе даже и не целился в Брэма. Два раза он выпалил из него, и пули пролетели над головою и плечами Брэма так близко, что он мог слышать их визг.

– Брэм!.. Брэм Джонсон!.. – закричал Филипп в третий раз.

Рука его ослабела и опустилась, и он все еще смотрел вслед громадной фигуре, которая все более и более удалялась от него и сливалась с темнотой. А затем она исчезла совсем.

И опять Филипп остался один. И вдруг к нему пришло сознание, что он свалил большого дурака. Он поступил, как малый ребенок; даже его голос дрожал, когда он называл Брэма по имени. И Брэм поднял его на смех.

Скоро, очень скоро ему придется расплачиваться за свою глупость и нерешительность. Именно это и угнетало его, когда он старался вновь найти на снежной равнине признаки Брэма. Не пройдет и ночь, как Брэм будет уже возвращаться обратно, и с ним вместе пробегут и его волки.

Он вспомнил о капрале Ли и вздрогнул. Затем он отправился к большому черному камню, около которого остановился на ночлег. С быстротой молнии у него пронеслась в мозгу ужасная судьба двух человек из Черчилла, и это придало еще большую реальность той опасности, которой он теперь подвергался и которой был обязан своему непостижимому легкомыслию. Филипп был только средним человеком; в его жилах текла самая обыкновенная кровь. Некоторое количество личной удачи всегда вдохновляло его, и ему всегда было приятно и хотелось использовать малейший случай, который подвертывался ему под руку. Убеждение, что именно здесь, в этом деле, он проморгал свой случай, угнетало его. Он не боялся Брэма. Он не задумываясь вышел бы с ним

на поединок и сражался бы с ним в открытую, даже и в том случае, если бы Брэм действительно представлял собою гиганта. Все это он говорил самому себе, сжимая крепко рукоятку своего револьвера, и старался не проронить ни малейшего звука.

Но Брэм вовсе даже и не собирался вступать с ним в единоборство. Это должны были сделать его волки. Возможно, что Филипп больше уже не увидит Брэма никогда. Он услышит только издали его смех или крики на волков, как когда-то слышали их капрал Ли и другой человек – его спутник.

Брэм никогда уже не возвратится для отмщения, раз он способен анализировать положение. Выстрелив в этого человека, Филипп слишком ясно открыл перед ним, кто он такой и каковы его цели. И, спасая свою шкуру, Брэм был бы дураком, если бы тотчас же не отделался от своего неожиданного опасного врага.

А затем Филипп вдруг увидел его снова, опять таким же, каким видел его и в первый раз при бледном мерцании звезд. И его поразило, что Брэм был совершенно безоружен. Едва он это сообразил, как его быстро окрылили надежды. Он стал искать вокруг себя дерево повыше. С дерева же он всегда сумел бы отразить нападение волков и перестрелять их всех по одному. С ним были ружье и револьвер и было достаточное количество снарядов. Все преимущества могли бы быть на его стороне. Но если только у Брэма имеется ружье,

а он будет сидеть на дереве, то...

Он надел на себя лежавший у костра полушубок, наполнил себе карманы патронами и стал разыскивать подходящее дерево. Оно оказалось в ста ярдах от места его стоянки. Это была корявая, приземистая сосна, дюймов шести в диаметре, росшая на открытой полянке. Он знал, что эта полянка может поспособствовать ему в нанесении поражения волкам. С другой стороны, если при Брэме окажется вдруг ружье, то игра Филиппа будет проиграна. Сидя на дереве и четко вырисовываясь на светлом фоне ярко освещенного звездного неба, он будет представлять собою для Брэма превосходную цель. Брэм пристрелит его, не целясь. Но для Филиппа оставался только один выход, и он должен был его использовать.

Глава VI. Один за другим

Час спустя Филипп поглядел на часы. Было около полуночи. К этому времени его первое напряжение дошло до крайней точки. Из глубины Баррена до него не доносилось ни малейшего звука, все молчало и среди низкорослых деревьев, так что он ниоткуда не мог ожидать успокоения своим нервам и ободрения. Он ожидал, что вот-вот, каждую минуту, к нему может вернуться Брэм, со своими волками, что он не услышит шагов этого человека и прыжков его животных до той самой поры, пока они не будут совсем уже близко от него. Два раза над его головой пролетела громадная сова. В третий раз она бросилась на пробежавшего через кустарник зайца, и Филиппу казалось, что это приходит ему конец. Маленькие белые лисицы, любопытные, как дети, ужасали его. Сколько раз, благодаря им, он вздрагивал от страха, а два раза даже должен был взлезть от них на дерево!

Затем наступила реакция, его нервы стали приходить в порядок, и пульс уже не стучал так, как до этого. Филипп стал задавать себе вопрос, действительно ли для него миновала опасность, в которой он был так уверен всего только один час тому назад. Возможно ли, чтобы Брэм испугался его выстрелов? Он не верил этому. Менее всего он мог считать трусом этого человека, который показался ему при свете звезд таким гигантом. И он быстро представил себе лицо

Брэма. Теперь, после почти невыносимого напряжения всей нервной системы, стояло у него перед глазами нечто, чего он не мог себе объяснить и что так ясно выражалось на лице у Брэма. В нем было выражение чего-то до безумия дикого и в то же время чего-то страдальческого, как у человека без всякой надежды. В этот момент, когда чувство самосохранения заставляло Филиппа прислушиваться к малейшему звуку, он более уже не испытывал в себе того возбуждения, которое захватывает всегда человека, охотящегося на человека. Он не мог бы объяснить такую резкую в себе перемену, такую быструю реакцию в своих мыслях и чувствах, какая произошла в нем, дав место неожиданно появившейся в нем симпатии к Брэму.

Он ожидал и все менее и менее стал испытывать страх перед волками. С особенной ясностью он стал теперь, когда миновало время, представлять себе Брэма: его угрюмый взгляд, загнанный вид даже тогда, когда он сам гнал своих волков, его абсолютное одиночество, когда он вдруг остановился, чтобы прислушаться к вою и крикам своих единственных друзей – зубастых животных. Несмотря на его ужасные крики, которые он посылал волкам, и на дикость его смеха, раздавшегося среди белой ночи после выстрелов Филиппа, Брэм все-таки не показался ему сумасшедшим. Филипп слышал о людях, которые сошли с ума от одиночества. Он даже знал одного – Пеллетье, жившего на самом краю света за Полярным кругом. Он наизусть выучил дневник, написанный

этим Пеллетье на двери его хижины. Вот то действительно было сумасшествие! Смерть пришла к Пеллетье как желанный друг. На него же походил и Брэм, целые годы проводивший без всякого общения с людьми, — и все-таки...

Мысли Филиппа перешли на женские волосы. Сидя в хижине у Пьера Брео, он и вида не подал о том подозрении, которое явилось у него тотчас же. Со своей стороны, молчал и Пьер, если и у него тоже возникло подобное же подозрение. Он боялся высказать его из страха. Теперь же Филипп был охвачен им вполне. Он знал, что человеческие волосы могут сохранять свою свежесть и блеск до бесконечности, и не считал невозможным, что Брэм мог владеть ими уже целые годы. Вполне естественно было предположить, что он выменял их на что-нибудь у какого-нибудь белого человека, когда еще не был вне закона, и что какая-нибудь фантазия или суеверие заставили его иметь их при себе. Но Филипп уже перестал руководствоваться одними только доводами рассудка. Против его рассудка восстало сознание, которое настойчиво подсказывало ему, что эти волосы только недавно были срезаны с женской головы. Он не мог представить даже самому себе каких-либо логических доказательств этому, но в то же время не находил возможным и возражать вполне против такого предположения. С Брэмом живет или жила женщина; и всякий раз как ему приходили на ум длина, красота и редкая волнистость шелковых нитей, находившихся сейчас при нем, у него в бумажнике, — он не мог не содрогаться от одной

только мысли, что эта женщина могла быть белой.

Брэм и белая женщина! И притом женщина с такими волосами, как эти!

Филипп слез с дерева, затем целый час проходил взад и вперед по опушке, причем все его чувства находились в высшей точке напряжения. Затем он вновь развел костер, прерывая каждую минуту свое дело, чтобы вновь и вновь прислушаться к каждому подозрительному звуку. Было очень холодно. Несколько времени спустя он заметил, что сперва очаровывавшие звуки северного сияния теперь превратились уже в неприятный шепот. Звезды стали светить уже не так ярко, и ему стало вдруг казаться, что они отходили от него все дальше и дальше, чтобы оставить его одного. Это умирание звезд всегда интересовало его. Это было одним из чудес Крайнего Севера. Ему казалось, что тысячи невидимых рук действовали под самыми небесами и невидимо тушили звезды, сперва по одной, затем по две, а потом и целыми созвездиями. Это всегда предшествует в течение целого часа неприятной и хаотической темноте, которая наступает перед самым рассветом на Севере, и именно этой-то темноты он теперь и боялся, сидя в одиночестве перед своим костром.

В этот-то самый час непроницаемой тьмы и мог неожиданно появиться Брэм. Возможно, что именно ее-то он и дожидался. Филипп посмотрел на часы. Было уже четыре. Опять он отправился к своему дереву и стал поджидать. Че-

рез четверть часа стало так темно, что ему уже не было видно и того дерева, около которого он стоял. А Брэм все не приходил. Перед самым рассветом Филипп вновь развел огонь — это уже в третий раз — и принялся за приготовление себе завтрака. Ему хотелось кофе как можно крепче, и он засыпал его вдвое больше, чем обыкновенно. А в семь часов утра он уже был готов продолжать свой путь далее.

Он стал теперь уже твердо верить в то, что какая-то таинственная, но в то же время и могучая сила заставила Брэма Джонсона отказаться от такого подходящего случая, чтобы расправиться истекшей ночью со своим врагом. И вот, идя теперь вдоль опушки леса на самом краю Баррена, он испытывал полное равнодушие к тому, чтобы захватить как-нибудь Брэма и арестовать его. Во всем этом приключении оказалась одна вещь, которая стала его интересовать гораздо более, чем сам Брэм. Это была золотая петля. Не через самого Брэма, а именно только благодаря его следу, он мог бы добраться до ее разгадки. Там он узнает всю ее тайну, а, может быть, даже и трагедию, если только вообще эта петля может что-нибудь означать. И он оценил редкий и исключительный случай, который предоставил ему возможность следовать за Брэмом, когда тот отступал. С человеком он мог еще справиться, если бы явилась необходимость с ним сразиться, а уж с волками расправа была бы коротка.

Час спустя Филипп осторожно вышел к тому месту, где волки заели карибу насмерть. На целых двадцать футов в

окружности весь снег оказался плотно утоптаным лапами животных, и вся эта арена была залита кровью и усеяна кусками мяса, обглоданными костями и клочьями шерсти. Филипп мог отлично определить, где бежал Брэм и где потом снял с себя свои лыжи. Следы от его мокасинов смешивались со следами от лап волков. Брэм, очевидно, прибыл вовремя, чтобы спасти окорока, которые он оттаскивал в сторону из этого кровавого круга. Голодной стае были предоставлены одни только остатки.

Снег отпечатывал на себе, точно буквы на книге, все то, что происходило потом. И это очень удивило Филиппа. Неизвестно, откуда Брэм добыл себе сани и на эти сани нагрузил то, что ему удалось уберечь от волков. По следам, оставленным на снегу, Филипп мог убедиться, что эти сани были гораздо длиннее и шире, чем те, какие ему до сих пор случалось видеть. Он даже и представить себе не мог того, что здесь происходило, но все дело оказалось слишком ясным, чтобы его понять. Далеко отсюда, еще где-то в глубине Баррена, Брэм нарочно распряг свою стаю, как только увидел бежавшего вдалеке карибу, чтобы она могла броситься за ним в погоню, догнать его и загрызть. А затем уже, насытившись, все они, и человек и волки, вернулись обратно среди ночи за своими санями, причем Брэм сделал нарочно большой обход, чтобы не оставить своих следов вновь у опушки леса и не выдать себя своему врагу – с громадным волнением Филипп мог убедиться, как послушно следовала за

ним по пятам его стоя волков. Человек был их неограниченным властелином. Затем они вернулись обратно уже с санями, погрузили на них окорока и помчались прямо на Север через Баррен. Каждый волк находился в упряжи, а сам Брэм сидел на санях.

Филипп глубоко, с разочарованием вздохнул.

У опушки леса, где можно было все-таки запастись горючим материалом, он стал готовиться в далекий путь. Он наварил себе еды сразу на шесть суток. Три дня он будет следовать по пятам за Брэмом по безлесным и совершенно не нанесенным на карту пространствам Великого Баррена. Углубляться в него далее без собак и без саней было бы невозможно. Три дня туда да три дня назад – и даже на таком коротком пространстве времени он почти обрекал себя на смерть. В глубине Баррена его ожидала бы более серьезная опасность, чем со стороны Брэма и его волков. Это была снежная буря.

Его сердце забилося немного, когда, заметив по компасу точку своего отправления, он выступил прямо на север. Был серый, неприветливый день. Перед ним во все стороны уходили необозримые пространства Баррена, совершенно белые, терявшиеся в красноватой дымке на горизонте. Последняя полоска низкорослого леса скоро исчезла позади Филиппа. Небо нависло, точно свинец. Под таким небом можно было бы сойти с ума. И не прошло и часа, как Филиппом вдруг овладело непреодолимое желание поскорее вернуться обрат-

но. Ни кустика, ни камня, — ничто не нарушало монотонности, а над головой, и так низко, что, казалось, можно было бы попасть в них брошенным камнем, хмуρο ползли с северо-востока тяжелые, темные облака.

Раз десять в течение первых двух часов Филипп взглядывал на свой компас. Не один раз за это время Брэм вилял то туда, то сюда, все-таки выдерживая путь на север. В сером сумраке, без малейшего камня или деревца по пути, по которым можно было бы ориентироваться, его чувство направления руководило им гораздо безошибочнее, чем Филиппом — стрелка его компаса.

Часа через три в семи или восьми милях от того места, где волки загрызли карибу, Филипп наткнулся на следы от первой стоянки Брэма. Волки не были распряжены. Вероятно, Брэм остановился здесь только для того, чтобы надеть на себя лыжи. Далее он пошел уже пешком, и по длине его лыж Филипп рассчитал, что на каждые его четыре мили Брэм продвигался вперед на шесть.

Был час, когда Филипп остановился пообедать. По его мнению, он к этому времени покрыл уже пятнадцать миль. Пока он ел, им все более и более овладевало беспокойное чувство, что он пускался в авантюру, которая ни в коем случае не могла принести ему добра. В первый раз за все время он понял значение того, что Брэм в самый последний момент перед тем, как пускаться в Баррен, должен был в достаточном количестве запастись мясом, — и это привело его в

большое беспокойство. В самом деле, где было бы достать провианта в этом безбрежном море снега, уходящем далеко за Полярный круг? Теперь Брэм вполне обеспечен им, чтобы покрыть, не останавливаясь, сразу целых пятьсот миль, тогда как он, Филипп, не сможет сделать и ста.

Все-таки до трех часов дня он упорно следовал по пути Брэма. Он продолжал бы идти и далее, если бы не наткнулся еще через час на громадный снежный сугроб вышиною с целый дом. Он решил сделать в нем убежище и остановиться в нем на ночь. Это было сделать очень легко, — он видел, как это делали эскимосы. Действуя своими лыжами как лопатой, он стал раскапывать ими снег, пока наконец не прокопал туннель, достаточный для того, чтобы разложить в нем свой спальный меховой мешок и устроиться в нем на ночь. На все это ему понадобилось не более часа, и когда он устроил себе таким образом ложе и вышел «за дверь», чтобы подышать чистым воздухом, то чувства его стали приходить в порядок. Уверенность в том, что у него сейчас же за спиною находится дом, в который не смогут уже проникнуть ни ветер, ни мороз, сообщила ему оптимистическое настроение, которого он не испытывал уже целые сутки.

Он захватил с собою из леса вязанку смолистых веток сосны и разложил из них себе маленький костер, над которым повесил чайник, набитый снегом. Потрескивание огня заставило его посвистывать от благодущия. Кругом сгущались сумерки. К тому времени, как вскипел его чайник и испеклись

лепешки и ветчина, ночь, точно непроницаемым занавесом, завесила его со всех сторон, так что его так и подмывало разрезать его ножом. На небе не было ни звездочки. Ничего не было видно даже в двадцати шагах. То и дело он подбрасывал в затухавший костер веток и когда наконец огонь стал замирать совсем, то он зажег о последнюю головешку трубку и закурил ее.

Затем наступил непроглядный, хаотический мрак. Нащупывая руками дорогу, он прошел к себе в туннель и завесил за собою вход в него своей шелковой палаткой. Затем он с наслаждением растянулся в своем меховом мешке. С тех пор, как он расстался с Брео, он ни разу еще не имел таких удобств. К тому же вся его предыдущая ночь прошла для него вовсе без сна. Он тотчас же крепко заснул. Он не слышал потом ни шума непогоды, ни завывания ветра, поднявшегося на заре. Когда же начался рассвет, то около него раздались другие звуки, которых он тоже не слышал. Его внутреннее сознание, которое сторожило его сон, вдруг подсказало ему, чтобы он пробудился. Он тотчас же открыл глаза. Дневной свет наполнял его туннель. Он посмотрел на «дверь», которую накануне завесил палаткой.

Палатка куда-то исчезла.

На ее месте виднелась громадная, лохматая голова.

Филипп увидел себя лицом к лицу с Брэмом Джонсоном.

Глава VII. Врасплох

Филипп еще не совсем привык к психическим и физическим неожиданностям, которые всегда являются неизбежными спутниками лиц, применяющих закон на Дальнем Севере. Но никогда еще он не испытывал такой тревоги, как теперь, когда, загородив собою узкий вход в туннель, перед ним стоял человек, на которого он охотился.

Первая мысль его была о том, что Брэм смотрел на него уже долго, пока он спал, и что если бы этот отщепенец собирався его убить, то он мог бы сделать это и до его пробуждения без малейших хлопот. Так же быстро он заметил и то, что исчезли его палатка, которою он завесил вход в свою пещеру, и ружье, которым он подпер эту палатку. Брэм присвоил их себе, пока он спал.

Но не потеря этих вещей и не внезапное и неожиданное появление Брэма так сильно его смутили. Он испугался выражения лица Брэма, его глаз и той таинственной задумчивости, которая светилась в его взгляде. Это вовсе не было высокомерие победителя, осматривающего свою жертву. В его взгляде не было и признака ненависти или вызова. Даже не было в нем ничего враждебного. Пожалуй, это походило на изучение незнакомца человеком, который был полон сомнений и беспокойства или терзался неразрешимым вопросом. Даже самые глаза у Брэма казались Филиппу унаследо-

ванными им после целого ряда поколений от какой-нибудь нежной женщины. На лице этого загнанного каторжника они казались чем-то необыкновенно неестественным: это были громадные, серые, прекрасные глаза. И если бы отнять от них его безобразное лицо, то они могли бы привести в восхищение.

Больше минуты ни один из мужчин не нарушал молчания. Филипп схватился за револьвер, но совсем не имел намерения из него стрелять. Затем он понял наконец, что пора уже было заговорить, и начал с самого естественного восклицания, распространенного во всех концах необъятного мира:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.